

ПИСЧИКОВ В. С.,
ХОЛИН М. М.,
г. Кривой Рог

ТВОРЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ИСТОРИОСОФИИ Вл. СОЛОВЬЕВА

Раскрывая содержание обозначенной в названии статьи проблемы, необходимо учитывать контекст всей философии Вл. Соловьева. Об этом само собою разумеющемся требовании можно было бы и не упоминать, если бы речь не шла о философии, которой в высшей степени присущи системность и интегративный, синтезирующий характер. В связи с этим имеет смысл отметить некоторые важнейшие особенности философии Вл. Соловьева.

Первой в их ряду следует назвать религиозный характер «философии всеединства». Вл. Соловьев - религиозный мыслитель, философствование которого основывается прежде

всего на догматах христианства. Однако, отмечая это, необходимо сделать весьма важную оговорку: философская мысль Вл. Соловьева развивается в русле не традиционного христианства, а религиозного модернизма. Русскую православную церковь он оценивает как «казенное православие», «мертвую церковь», в которой произошла «подмена идеала». Тем не менее и широко известные симпатии философа к католицизму также не означали полного принятия его Вл. Соловьевым: «...Я так же далек от ограниченности латинской, как и от ограниченности византийской. Исповедуемая мною религия Святого Духа шире и вместе содержательнее всех отдельных религий». - писал философ в 1892 г. В. Розанову. (Цит. по: Зеньковский В. В. История русской философии. - Т. 2. - Ч. 1. - Л., 1991. - С. 15).

Несомненно, такая позиция философа, а также восприятие им некоторых идей иудаизма, религиозно-философских учений Востока обусловили оригинальность многих подходов и решений Вл. Соловьева как религиозного мыслителя. В этой связи трудно не согласиться с В. Зеньковским, который пришел к выводу, что было бы неправильно называть построения Соловьева «христианской философией» - в ней слишком сильны и нехристианские тона, в ней много от пантеизма., в его синтетический замысел входило и включение таких идей, которые никак не соединимы с христианством» (Там же. - С. 69).

Другая особенность философии Вл. Соловьева связана с идеей всеединства, пронизывающей всю его систему и придающей синтетический характер его подходу к осмыслению всех основополагающих понятий и проблем, включая и обсуждаемую здесь. Вл. Соловьев попытался осуществить синтез христианства, пантеизма и некоторых положений иудаизма; религии, философии и науки; восточного и западного (европейского) миропониманий; рационализма и эмпиризма; преодолеть противоположность материализма и идеализма, и хотя, по вполне обоснованному мнению В. Зеньковского, «Соловьев не сумел достигнуть органического синтеза тех начал, сочетанием которых он был занят» (Там же. - С. 70), ему, на наш взгляд, немало удалось и сделать в этом направлении. Недаром В. Зеньковский все же присоединяется к мнению С. Булгакова, что философская система Вл. Соловьева «есть самый полнозвучный аккорд, какой когда-либо раздавался в истории философии» (Там же. - С. 19).

Последняя особенность, о которой мы хотели бы здесь

упоминать, связана с философской эволюцией Вл. Соловьева, в ходе которой, по выражению А. Ф. Лосева, «всегда бодрый и оптимистически настроенный прогрессист в конце концов пришел к отрицанию всякого прогресса и... прямо к эсхатологии, к ожиданию конца мира, к страшным апокалипсическим картинам» (Лосев А. Ф. Творческий путь Вл. Соловьева // Соловьев В. С. Соч. в двух томах. - Т. 1. - М., 1990. - С. 23).

С учетом названных особенностей философии Вл. Соловьева мы и попытаемся рассмотреть вопрос о понимании им роли и места личности в историческом процессе.

История человечества, согласно Вл. Соловьеву, - это прежде всего история человеческого духа, а еще точнее - история становящегося редигиозного сознания, начиная от языческих религий и «религии небытия» (буддизма) до христианства. Она включает два периода: движение человечества к Христу и движение от него к Богочеловечеству, представляющему собой человечество, воссоединенное со своим божественным началом, посредством Христа. При этом исторический процесс имеет явно выраженную прогрессивную направленность: если «к человеку тяготела и стремилась вся природа», то «к Богочеловеку направляется вся история человечества» (Цит. по: Зеньковский В. В. Указ. соч. - С. 50).

Фактически все русские философы, писавшие о философии Вл. Соловьева, - Лосев, Лосский, Новгородцев, Зеньковский и др. - подвергали его критике за чрезмерную оптимистичность и во многом прямолинейность в понимании общественного прогресса. Хотя эта критика в значительной степени справедлива, не следует, на наш взгляд, и упрощать позицию Вл. Соловьева. Он отнюдь не склонен рассматривать прогресс, ведущий к возникновению богочеловечества, как самоцель: «...самый прогресс, - пишет философ, - есть, очевидно, лишь средство, путь, направление, а не безусловная и окончательная цель» (Соловьев В. С. Оправдание добра // Соч. в двух томах. - Т. 1. - С. 307). Вл. Соловьев признавал также сложность и противоречивость социального прогресса, возможность в нем регрессивных, отрицательных периодов: «Заглядывая в душу нашего общества, не увидишь там ни ясного добра, ни ясного зла... Такие тусклые моменты - отсрочки для суда истории. Провидение как будто выжидает и безмолвствует» (Цит. по: Лосев А. Ф. Указ. соч., - С. 23), - так характеризовал философ современное ему состояние российского общества. Понимал Вл. Соловьев и неосуществимость абсолютного прогресса как полное воплощение его цели, идеала. Называя

такой идеал «предельной величиной», он писал, что «переменные величины человеческого прогресса... по природе вещей никогда не могут совпасть с нею» (Там же. - С. 22).

Как религиозный мыслитель, Вл. Соловьев в понимании исторического процесса вполне естественно признает идею провиденциализма, согласно которой богом предзадана стратегическая цель истории и предопределен ее финал: «Только осуществление Царства Божия есть окончательная цель всякой жизни и деятельности, как высшее благо и блаженство» (Соловьев В. С. Оправдание добра // Соч. в двух томах. - Т. 1. - С. 281). Однако эта цель, по мнению философа, не осуществляется автоматически, она «воплощается не только прямым и всемогущим действием Божиим, но и свободною деятельностью человека» (Там же). В связи с этим и возникает вопрос о возможностях и содержании «свободной деятельности человека» в движении истории. Решение этого вопроса Вл. Соловьевым в значительной степени обуславливается его пониманием природы личности, в чем со всей определенностью проявляется как синтетичность, так и оригинальность подхода философа.

Ключевыми в понимании Вл. Соловьевым сущности личности являются такие ее характеристики как «бесконечность» и «отрицательная безусловность» (Там же. - С. 282). «Бесконечность» человеческой личности истолковывается при этом как «возможность осуществления неограниченной действительности» (Там же). Речь идет о неограниченной способности личности ко все более истинному познанию смысла сущего, а также ко «все более совершенному осуществлению этого всеединого смысла в данной жизненной среде» (Там же). Эти способности личности обуславливают другой ее атрибут - «отрицательную безусловность», выражающуюся в том, что «она не хочет и не может удовлетвориться никаким условным ограниченным содержанием» (Цит. по: Лосский Н. О. История русской философии. - М., 1991. - С. 113). Она как бы имманентно содержит в себе интенцию выхода за пределы самого себя и своей жизненной среды и ситуации (Эти мысли Вл. Соловьева вызывают ассоциацию с феноменолого-экзистенциальным подходом к пониманию человека, особенно с идеей Сартра о сущности человека как творческом проекте, который всегда впереди, в будущем).

Однако личность, согласно Вл. Соловьеву, не исчерпывается «отрицательной безусловностью», в ней всегда присутствует убеждение, что она «может достигнуть и положительной безусловности как полноты бытия» (Там же. -

С. 113). Именно это стремление личности к достижению «полноты бытия» и составляет как бы субъективную сторону исторического процесса и одновременно объективное основание творчества в нем. Но реализация названного стремления не может осуществляться личностью в одиночку, вне взаимодействия с другими личностями и обществом в целом. Развивая это положение, Вл. Соловьев решительно выступает против точки зрения как противопоставляющей личность и общество, так и полностью отождествляющей их, или, как выражается философ, - против «гипнотиков индивидуализма» и «гипнотиков коллективизма». Первых он подвергает критике за то, что они «утверждают самодостаточность отдельной личности, из себя определяющей все свои отношения», а вторых за то, что «видя в жизни только общественные массы, признают личность за ничтожный и преходящий элемент общества» (Соловьев В. С. Оправдание добра // Соч. в двух томах. - Т. 1. - С. 283). Обе позиции Вл. Соловьев называет химерами.

Понимание характера взаимосвязей личности и общества Вл. Соловьевым наиболее адекватно выражает понятие «диалектическое взаимодействие» (сам философ не употребляет этого понятия). «Отнимите у действительной человеческой личности все то, что так или иначе обусловлено ее связями с общественными или собирательными целыми, и вы получите животную особь» (Там же), - пишет Вл. Соловьев. Следовательно, делает он вывод «общественность не есть привходящее условие личной жизни, а заключается в самом определении личности, которая по существу своему есть сила разумно-познающая и нравственно-действующая, а и то и другое возможно только в образе бытия общественном» (Там же). В качестве эмпирических реалий, подтверждающих эту мысль, Вл. Соловьев рассматривает природу языка, общих понятий, личностного опыта, формирования и развития нравственных качеств личности. С другой стороны, согласно философу, «общество есть не что иное, как объективно-осуществляемое содержание личности» (Там же. -С. 284), то есть самореализация личностей. Итогом размышлений Вл. Соловьева о природе взаимодействия личности и общества является следующее афористическое суждение: «Общество есть дополненная или расширенная личность а личность - сжатое, или сосредоточенное общество» (Там же. - С. 286).

В приведенных размышлениях Вл. Соловьева многое напоминает Маркса. Однако в отличие от последнего, Вл. Соловьев считает определение человека как социального

существа недостаточным: «...Общественность как такая, - отмечает он, - не есть высшее и безусловное определение человека» (Там же. - С. 342). Этот признак по мнению философа, характерен и для многих животных (муравьи, пчелы и др.), человек же обладает более существенным и специфичным признаком, который независим от общественности (социальности) и который обуславливает собою «отличительный характер человеческого общества»: «Этот признак, - полагает Вл. Соловьев, - состоит в том, что каждый человек, как такой, есть нравственное существо» (Там же. - С. 345).

Раскрывая содержательную сторону человеческой истории, как уже упоминалось, Вл. Соловьев отмечает, что она представляет собой «рождение человека духовного», то есть становление Богочеловечества. В ходе этого процесса осуществляется воссоединение человека и бога, а через человека и воссоединение с богом отпавшего от него мира. Одновременно осуществляется процесс нарастания добра как в мире в целом, так и в обществе, в частности. С этой стороны исторический процесс предстает как нравственный прогресс: «...С какой бы стороны мы не смотрели, распространение жизненной сферы людей от пределов рода к пределам государства или отечества представляет собой несомненный нравственный прогресс» (Там же. - С. 302-303).

Расширение и нарастание добра во всех сферах жизни общества как содержание исторического процесса объединяет интересы общества и отдельной личности: «...действительный нравственный порядок, или Царство Божие, - отмечает Вл. Соловьев, - есть дело совершенно общее и вместе с тем совершенно личное, потому что каждый хочет его для себя и для всех и только вместе со всеми может получить его» (Там же. - С. 281). Поэтому и вся жизнь общества, все отношения, существующие в нем, невозможно разделить на чисто социальные и индивидуальные: они являются «двусторонними, лично-общественными», а социальная действительность в целом выступает при этом как «лично-общественная действительность» (Там же. - С. 287).

Названная выше особенность человеческой истории и общества обуславливает, по мнению Вл. Соловьева, исключительную роль в развитии человечества солидарности между людьми. Солидарность является необходимым и неотъемлемым качеством социальных отношений и поэтому существует на всех этапах истории человечества, хотя формы и содержание ее при этом различны. В предшествующей истории

она выступала по преимуществу как физическая и метафизическая и была лишена нравственного содержания. Поэтому задача человечества заключается в том, чтобы осуществить «одухотворение, или морализацию солидарности», превратить ее в «нравственно-метафизическую и нравственно-физическую» (Там же. -С. 286). Для этого нужно, чтобы существовавшее всегда «невольное участие каждого во всем становилось вольным, все более и более сознательным и свободным, то есть действительно-личным,- чтобы каждый все более и более понимал и исполнял общее дело, как свое собственное» (Там же). Из этого следует, что с ходом истории человечества она все больше выступает как сознательное, свободное сотворчество личностей, солидарных в своем стремлении к достижению общей цели.

Говоря о свободе личности, Вл. Соловьев отвергает понимание свободы как абсолютной, ничем не обусловленной и не ограниченной. По его мнению, человеческая свобода объективно ограничена как бы с двух сторон. Во-первых, как уже упоминалось, она ограничена божественным провидением, предопределившим цель и содержание исторической деятельности людей. По отношению к личности эта предопределенность выступает в форме своеобразного нравственного детерминизма, суть которого заключается в том, что личность не свободна в делании добра: «...Добро не является прямым предметом произвольного выбора» и следовательно, «свободы воли нет в нравственных действиях» (Цит. по: Зеньковский В. В. Указ. соч. - С. 64). Позитивные нравственные действия личности детерминированы «всей бесконечностью своего положительного содержания» (Там же). Но это означает, что свобода воли проявляется только в неприятии, отвержении добра, то есть как зло и порождение зла. По своей сути свобода воли - это иррациональный акт. Такое понимание Вл. Соловьевым свободы воли расценивалось многими русскими философами как фактическое ее отрицание. Так, Е. Трубецкой связывает это понимание с «увяданием у Вл. Соловьева теократической идеи», а В. Зеньковский - с «его трагическим переживанием силы зла в последние годы жизни» (Там же).

Во-вторых, свобода личности, согласно Вл. Соловьеву, ограничена социальной средой, организацией общественной жизни или по выражению философа «собирающей организацией человека» (Соловьев В. С. Оправдание добра // Соч. в двух томах. - Т. I.-С. 340). Принятие или неприятие этой организации личностью должно быть результатом ее

сознательного свободного нравственного выбора. Однако критерием этого должны быть не произвольные или эгоистические мотивы личности, а объективная природа самой организации, прежде всего степень ее соответствия «безусловному нравственному началу» (Там же. - С. 340). В том случае, когда «лично-общественная среда по существу становится организованным добром» (Там же), принятие личностью этой организации и даже подчинение ей не противоречит свободе личности. Это происходит потому, что в данной ситуации «личность ничего не может потерять, ибо такой характер общественной среды по понятию своему не совместим ни с каким стеснением произвольным личных прав» (Там же. - С. 341).

Рассуждения философа на эту тему венчает следующий вывод: «Степень подчинения лица обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру, без чего общественная среда никаких прав на единичного человека не имеет» (Там же). В связи с этим Вл. Соловьев решительно выступает против подхода к личности как средству и вслед за Кантом формулирует свой категорический императив: «Никакой человек ни при каких условиях и ни по какой причине не может рассматриваться как средство для каких бы то ни было посторонних целей, - он не может быть только средством или орудием ни для блага другого лица, ни для блага целого класса, ни, наконец, для так называемого общего блага, то есть блага большинства людей» (Там же. - С. 345). Конкретизируя свой императив, философ уточняет: общество «имеет право не на человека, как лицо, а на его деятельность, или труд, в той мере, в какой этот труд, служа на пользу общества, вместе с тем обеспечивает трудящемуся достойное существование» (Там же).

В основе названных выводов философа лежит его представление о том, что каждая личность обладает такими неотъемлемыми качествами как человеческое достоинство, формальная бесконечность разума и индивидуальность («незаменимость», «особенность») (Там же. - С. 346). Вследствие этого «каждое лицо... должно быть самоцелью, а не средством или орудием только» и «право лица по существу своему безусловно, тогда как права общества на лицо, напротив, обусловлены признанием личного права» (Там же). Таким образом, Вл. Соловьев с полной определенностью формулирует здесь идею приоритета прав личности над правами общества и социальных групп. «Общество, - развивает он мысль, - может

обязывать лицо к чему бы то ни было лишь через акт его свободной воли» (Там же).

Если с объективной стороны историческая деятельность личности выступает, согласно Вл. Соловьеву, как расширение сферы и приумножение добра, то субъективным побудителем этой активности является, как уже упоминалось, стремление личности к полноте бытия. Это стремление не может реализоваться без любви человека к богу и всем живым существам. Совершенная любовь во всех ее проявлениях предполагает отречение от эгоистических желаний и целей личности, то есть выступает как способ преодоления эгоизма. Эгоизм же, согласно философу, является ложной формой самоутверждения личности. В действительности же он ведет к ее гибели, выдвигая в человеке на первый план животное и житейское в ущерб духовному началу. А напротив, преодоление эгоизма посредством любви является истинным самоутверждением личности как духовного существа. Причем это необходимо не только для самосовершенствования и истинной самореализации личности, но и одновременно для ее социальной и исторической деятельности, так как «личное совершенствование каждого человека никогда не может быть отделено от общего, личная нравственность от общественной» (Там же. - С. 286).

Рассматривая исторический процесс как совместную, солидарную деятельность личностей и в то же время, понимая последних как индивидуальности, Вл. Соловьев не мог обойти вопроса о неодинаковости их вклада в этот процесс. С этой целью он использует понятия динамического и статического элементов истории. «Динамический элемент представлен «лицами более других одаренными или более развитыми» (Там же, - С. 287), которые больше других и раньше других начинают испытывать препятствия со стороны социальной среды в реализации своих «положительных нравственных устремлений» (Там же). Именно эти личности как «избранные представители» собирательной жизни человечества «становятся носителями высшего общественного сознания» (Там же), динамической силой исторического процесса.

«Статический элемент» истории - это общественная среда «как уже достигнутая действительность, как законченная в своей сфере и на своей ступени объективация нравственного содержания». Она представляет собой «косную, охранительную сторону истории» (Там же). Противоречие между динамическим и статическим элементами истории и является, по мнению

Вл. Соловьева, движущей силой ее как процесса. Это противоречие существует всегда, оно неизбежно воспроизводится потому, что «нравственная личность в силу своего стремления к безусловному добру перерастает данную ограниченную форму воплощенного в обществе нравственного содержания и начинает к нему относиться отрицательно» (Там же).

Очевидно, что творческий вклад в совершенствование собирательной жизни человечества личностей доставляющих динамический и статический элементы истории, неодинаков. Однако было бы натяжкой на основании этой идеи причислять Вл. Соловьева к сторонникам концепции элиты. Он отнюдь не противопоставляет названные элементы, не превозносит один из них, уничижая другой.

Само их существование и противоречие между ними рассматриваются философом как объективные, являющиеся следствием процесса развития общества, а именно следствием противоречия «между прежнею и новою стадиями лично-общественного развития» (Там же. -С. 287). Для Вл. Соловьева существует не только «преступная толпа», «толпа бессмысленная, стадо человеческое», но и «народная масса, одушевленная побуждениями собирательно-нравственными», которая «поднимает до них и те единицы, у которых эти побуждения сами по себе слабы и неискренни» (Там же. -С. 302).

Таковы в нашем понимании - естественно, не претендующем на исчерпывающую полноту и однозначность - представления Вл. Соловьева о творческих возможностях личности в историческом процессе.